

УДК 32(57.31)

Сибирь в начале XXI в.: политологический взгляд участников Всероссийской конференции

В. Н. Казарин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена анализу новейших публикаций авторов Всероссийской научно-практической конференции, проходившей в декабре 2012 г. в Иркутске. Рассмотрены взгляды на различные аспекты развития Сибири в начале XXI в.

Ключевые слова: Всероссийская конференция, Сибирь, геополитические и геоэкономические проблемы, избирательная система, этноконфессиональная политика.

Социально-политические, этноконфессиональные проблемы, процессы, характеризующие основные тренды развития власти и общества в Сибири за последние десятилетия, изучаются и еще не раз будут осмысливаться и переосмысливаться профессиональными исследователями. Очевидно, что оценки, данные ими, будут подтверждаться или корректироваться, а возможно, и пересматриваться в относительно недалеком/далеком будущем. Это естественно и закономерно ровно настолько, насколько глубоко меняется само общество, трансформируется власть, развивается сама наука с присущими ей постоянными и переменными значениями. В этой связи для будущего серьезного исследователя всегда важен взгляд современников на изучаемые явления, тем более если это взгляды «собратьев по цеху».

Исходя из этого, задачей настоящего обзора является систематизированный анализ проблем социальной и административной консолидации Сибири, представленный на Всероссийской научно-практической конференции, проходившей на базе исторического факультета Иркутского государственного университета, Иркутского межрегионального института общественных наук при ИГУ, Иркутского регионального отделения Российской ассоциации политической науки и Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества в декабре 2012 г. По итогам конференции был издан хорошо оформленный сборник материалов [1], в котором представлено 42 статьи 46 авторов. Конференция полностью соответствовала статусу всероссийской, поскольку в ней (очно и заочно) приняли участие исследователи из Абакана, Ангарска, Иркутска, Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Усолья-Сибирского Иркутской области, Уфы, Хабаровска, Читы. А если учесть, что участницами конференции были две представительницы из Южно-

Казахстанского государственного педагогического университета (г. Шымкент), то конференция может претендовать и на статус международной.

Разумеется, не все доклады и сообщения были посвящены строго заявленной теме конференции. Именно тематическая граница и даст основания проанализировать только те публикации, которые прямо или косвенно дают представления о взгляде на современные тренды в Сибири как неотъемлемой, исторически сложившейся части единого Российского государства.

Прежде всего, важна общая оценка современной ситуации в мире, России и Сибири. Тем более для сибирских исследователей интересен взгляд из центра (Москва, Петербург). Ведь не секрет, что подходы и оценки текущего развития Сибири и его перспектив далеко не всегда совпадают у столичных и региональных исследователей, определяемых мною в данном случае сугубо по географическому признаку.

Заслуживает внимания оригинальная статья д-ра филол. наук, профессора Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета А. Б. Бушева «Дискурс экономического кризиса». Опустим при всей значимости этого раздела статьи анализ авторского обзора терминологического аппарата понятия «дискурс». Презюмируем, что это знает профессиональный политолог, социолог, культуролог и историк. Важно то, как подается в печати, особенно в электронных СМИ, политическая, экономическая, финансовая или иная информация. И как она воспринимается. Здесь вспоминается «вечный эзопов язык» в новом оформлении. Вполне сознательно средства массовой информации, «собратья по цеху» вместо слова «кризис» употребляют словосочетания «рост без развития», «коррекция вниз»; вместо «повышение цен» – «либерализация цен»; вместо «нехватка денег» – «проблемы с ликвидностью»; вместо «сокращение кадров» – «оптимизация занятости» и т. д. Такими эвфемизмами и иносказаниями можно вообще на словах «утопить» любую проблему вместо того, чтобы ее признать и выработать механизм ее решения. Отсюда и обилие неясных и сложных терминов, значение которых непонятно гражданам, которые давно уже стали «электоратом»; неологизмов и аббревиатур, успешно работающих на желаемую неясность. Постоянно слыша и читая это каждый день, особенно когда военные действия разрушительной силы выдаются за «акции в защиту демократии и соблюдения прав человека», устаешь поражаться, как можно подавать информацию, умело уводя «человейник» от представления о реальных событиях. Вспоминаются только пронизательные антиутопии Дж. Оруэлла «1984» и О. Хаксли «О дивный новый мир!», которые изобразили не тоталитарный строй, как нас убеждали «прорабы перестройки», а современное постиндустриальное общество, ставшее глобальным «обществом спектакля». Долго ли продлится этот спектакль? Вопрос, разумеется, риторический. Но в политологическом анализе ситуации дискурсивный метод подачи и понимания информации должен присутствовать как необходимейший элемент. Именно на это и обращает внимание в своей статье петербургский автор. Можно лишь пожелать нашим политологам глубже анализировать дискурс современных

столичных и региональных СМИ, освещающих нынешнее состояние Сибири и дальнейший вектор (пути) ее развития.

К числу публикаций, ставящих общие проблемы и в той или иной степени показывающих их влияние на Сибирь начала XXI в., относятся статьи д-ра ист. наук, профессора Ю. А. Зуляра и д-ра культурологии, профессора И. А. Арзуманова (оба – Иркутский государственный университет). Первая статья посвящена анализу общих мировых трендов развития высшего образования, вторая – геополитических тенденций и перспектив трансформации конфессионального поля Забайкальского региона. Ю. А. Зуляр рассматривает проблему с точки зрения эволюции сложившегося почти 800 лет назад классического высшего (в современном понимании) образования за последние 50 лет. При всем «разноскоростном» режиме развития ВПО в условиях интеграции и усилившейся межцивилизационной коммуникации можно выделить общую направленность процессов. Это: рецепция ценностей западного общества, нашедшая отражение в системе образования; массовизация образования как «неизбежное зло» со всеми вызовами прежней, веками устоявшейся системы; дифференциация образования (ступени, бакалавр – магистр, далее – не вполне ясно); «коммерциализация» высшего образования; определенная зависимость образования и от государства, которое нередко спешит уйти из этой сферы, и от работодателя, бизнеса; превращение знания не столько в основу интеллектуальной и профессиональной деятельности, сколько в предмет потребления, зачастую утилитарного. Не будем задаваться вопросом уважаемой классической профессуры: «А хорошо ли это?». Отметим лишь, что точка возврата к прежнему «хорошо» пройдена. Отсюда – и настоящее «выживание» в новых условиях, для многих далеко некомфортных. К тому же прежнее значение профессора/доцента в вузе значительно упало или, точнее, оно «перетекло» к чиновнику и менеджеру. Почему? Да потому, что в современном ВПО «погоду делают» «длинные деньги», которые необходимо привлечь с помощью умелого менеджмента.

Конечно, некоторые положения статьи носят дискуссионный характер, некоторые из коллег, возможно, не во всем примут подходы автора. Но уйти от признания того, что основные тренды высшего образования отражены Ю. А. Зуляром верно, нельзя, невзирая на «вкусовые отличия». Остается лишь констатировать, что вопрос о наличии и проявлении трендов ВПО в Сибири не прописан автором, хотя можно предположить, что, поскольку Сибирь развивается в едином «мейнстриме», то все сказанное относится и к ней. В то же время выявление общих и особенных тенденций высшего образования в этом огромном российском регионе является предметом специального будущего исследования.

Профессор И. А. Арзуманов – известный в профессиональных кругах исследователь проблемы трансформации конфессионального пространства Байкальской Сибири и стран Северо-Восточной Азии в XX – начале XXI в. Данная публикация является продолжением его многолетнего изучения этой актуальной проблемы. Новые геополитические реальности последних 20 и более лет, связанные с распадом Советского Союза, превращением Китая во

вторую державу мира, уходом Монголии из-под советского (российского) влияния, поиском ею своего места в новой конфигурации сил и др., конечно же, не могли не повлиять и на ситуацию в пограничном, или – точнее, в трансграничном регионе, которым и является Байкальская Сибирь (Байкальский регион). Автор много внимания уделяет состоянию ценностных ориентиров, особенно монгольской молодежи, в связи с массовой духовной экспансией протестантских и постпротестантских деноминаций в центральноазиатском и североазиатском направлениях. Отсюда бесспорный вывод о том, что для монгольского руководства конца XX в. вопрос о религиозной культуре – это вопрос государственной безопасности. Но и для национальной безопасности России в Забайкалье и на Дальнем Востоке, по мнению автора, существует цивилизационно-культурологическая угроза. Миссионерская деятельность адептов конфессиональных инноваций является открытым или латентным вмешательством во внутренние дела Байкальского региона с точки зрения государственно-религиозной и социоэкономической безопасности восточных рубежей России. Каковы возможные меры противодействия этим процессам, есть ли вообще понимание этого у властной элиты – эти и другие связанные с этими вопросами автор не ставит. Но уже само признание наличия проблемы означает поиск ее решения. И в этом заслуга автора.

Каким образом проблемы развития Сибири рассматриваются на фоне общефедеральных проблем, каким образом взаимосвязаны с ними? Эти вопросы в той или иной степени рассмотрены в нескольких публикациях. Среди них остановимся на статьях д-ра ист. наук, профессора В. В. Синиченко (Восточно-Сибирский институт МВД России) и д-ра полит. наук, профессора Читинского института Байкальского государственного университета экономики и права А. К. Родионовой. Статья В. В. Синиченко посвящена перспективам российского федерализма в рамках стратегии–2020. Автор в основном излагает основные положения доклада «Реальный федерализм, местное самоуправление и межбюджетная политика», написанного экспертной группой из Института экономической политики имени Егора Гайдара и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Доклад был обнародован в феврале 2011 г. Несмотря на столь короткий срок, многое изменилось в стране с тех пор. Дело, конечно, не в том, что президент РФ и председатель правительства РФ поменялись местами, а в новых приоритетах и реальном осуществлении государственного курса. Автор же ограничивается изложением программы, сценариев развития федеративных отношений в стране без необходимого анализа и корректировки программы. Нет там и «сибирского компонента». Возможно, такая задача и не ставилась автором статьи. Но отсутствие в статье соотношения программных положений и реального развития событий после опубликования программы в некоторой степени не оправдывает ожиданий читающей аудитории.

А. К. Родионова обращается к вопросу о персонификации власти в условиях федерализма. Речь идет о РСФСР и в большей степени о современной Российской Федерации. Персонификация власти в России традиционно ассоциируется с первыми лицами в стране. Период правления Б. Н. Ельцина – яв-

ная децентрализация власти, В. В. Путина (первые два срока) – централизации, Д. А. Медведева – невнятного желания того и другого. Но автор переносит рассмотрение проблемы на региональный уровень. Низкий уровень явки избирателей при выборах глав регионов (в частности, выборы губернатора Красноярского края летом 2012 г. прошли при явке не более 21 % избирателей) говорит о падении интереса к выборам по сравнению с 90-ми гг. XX в. Почему? Может быть, дело не только в разочарованиях части (прежде всего образованной части населения) в институте выборов или в отсутствии ярких альтернатив при выдвижении на государственные/муниципальные должности? Но это не говорит о равнодушии населения к действиям власти. Законное возмущение граждан вызывают многочисленные факты злоупотребления чиновниками служебным положением, поездки за государственный счет в «удивительные места», коррупция, премирование себя в размерах, не сопоставимых со средней зарплатой по региону и т. д. По итогам первого полугодия 2012 г. Забайкальский край занимал четвертое место в Сибири по количеству незаконных актов, подписанных чиновниками. Можно присоединиться к мнению профессора А. К. Родионовой о том, что настал период принятия политической элитой Кодекса этики. Необходим политический документ, отмечает автор, имеющий характер всеобщего, и предусматривающий ответственность за его нарушение. Только пойдет ли на это сама политическая элита? Зададим этот вопрос ей. Но мы не столь наивны, чтобы услышать положительный ответ. И что последует в том случае, если даже принятый кодекс не будет исполняться?

К указанной публикации логически примыкает статья д-ра полит. наук, профессора Т. Е. Бейдиной и канд. полит. наук, доцента А. В. Новиковой (Забайкальский государственный университет). Основной упор авторы делают не на персонификации власти, а на проблеме поиска оптимальной региональной модели политико-административного управления в сибирских субъектах Российской Федерации. Ценность публикации не только в глубоком теоретическом осмыслении вопроса, но и в анализе новых реалий, появившихся в образовавшемся в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа новом субъекте Федерации Забайкальском крае. Авторы с обоснованной тревогой пишут о том, что благодаря поставкам стратегического сырья России в Китай последний обеспечивает ресурсную самодостаточность. Но трансграничный регион – Забайкальский край – не получает от российского экспорта в гиганта-соседа достаточной отдачи для поступательного развития экономики. Авторы справедливо указывают и на современные угрозы безопасности для Забайкальского края. Это: нестабильность социально-политической обстановки, вызванной недовольством населения деятельностью действующих властных структур, невысокий инвестиционный и инновационный потенциал региона, резкая дифференциация общества по социально-экономическому положению, рост должностных и экономических преступлений, негативные тенденции в демографической сфере и мн. др. Разумеется, будущий исследователь должен будет на цифрах и фактах доказывать эти положения, проследивать их влияние на развитие крупно-

го сибирского субъекта Федерации, проследить взаимосвязь этих явлений с аналогичными в соседних регионах.

Некоторые положения статьи уважаемых читинских авторов получают развитие и в статье «Международное сотрудничество регионов Байкальской Сибири со странами АТР: на пути к «устойчивому развитию»?» канд. ист. наук И. В. Олейникова (Иркутский государственный университет). В частности, вывод о растущей зависимости России от южного мощного соседа, заинтересованного в «устойчивом развитии» собственных территорий за счет бесперебойного поступления сырья, дающего снижение нагрузки на собственную окружающую среду. Другие выводы автора также вполне реалистичны, хотя и не вполне комфортны для региональных властей. Например, И. В. Олейников утверждает: «Приходится констатировать, что в среднесрочной перспективе у Иркутской области и Республики Бурятия реальной альтернативы сырьевому фактору и, соответственно, истощению природных ресурсов и загрязнению окружающей среды, попросту не существует». И далее: «В случае продолжения экстенсивной модернизационной политики, не направленной на сохранение окружающей среды, регионы Байкальской Сибири в среднесрочной и долгосрочной перспективе могут столкнуться с комплексными системными сбоями, последствия которых устранить будет достаточно сложно». Вывод, согласитесь, предостерегающий! Задумывается ли над этим власть? Смотря какая. Ведь в подходах к признанию и решению проблем существовала и существует определенная разница между столичной и региональной элитой. А осознание проблемы приходит тогда, что не раз доказывала история, когда уже необходимо принимать срочные экстренные меры. Очевидно, это правило сработает и в будущем.

Явлением политической жизни 2012 г. стало возникновение новых партий. Их обзор дан в публикации канд. ист. наук Д. А. Мясникова (Иркутский университет). На основании официальных данных Министерства юстиции РФ автор дифференцировал названия 210 организационных комитетов и 36 вновь образованных партий на 13 четко идентифицируемых кластеров. Какие из этих партий проявят себя на региональных и федеральных уровнях, какие попадут в органы представительной власти, в том числе и в Сибири, безусловно, покажет время. Будущему исследователю, через какое-то время просматривающему список этих партий, большинство из которых так и останется на бумаге, наверное, будет повод просто улыбнуться (или ухмыльнуться?).

Развернутый анализ региональных выборов в Сибири представлен в статье канд. полит. наук А. В. Петрова (Иркутский университет). Автор хорошо известен во всероссийской и региональной среде как специалист, давно и успешно занимающийся изучением избирательных кампаний в постсоветской и современной Сибири. Эта публикация дает комплексное представление об общих тенденциях и особенностях выборов (назначений) глав сибирских административных центров Омска, Красноярска, Горно-Алтайска, Барнаула, Улан-Удэ, а также городских дум Омска и Барнаула. Для будущего исследователя публикация представляет значительный интерес, поскольку в ней дан профессиональный политологический анализ основных политических про-

цессов в Сибири–2012. Что можно отметить? При сохранении за партией «Единая Россия» большинства голосов, отданных за ее представителей, процент этих голосов за последние пять лет заметно снизился. Следовательно, лидерство удерживать становится все сложнее и сложнее. Наблюдается снижение интереса к выборам, падает явка избирателей. Антирекорд, как точно и иронично определяет автор, показали выборы мэра миллионного Омска летом 2012 г., где явка составила 17,32 %. При этом возрастает конкуренция со стороны других партий. Хотя здесь нет какого-то сенсационного прорыва, тенденция этого налицо. Разочаровывают эксперименты с использованием института сити-менеджеров; прямые выборы на муниципальном уровне воспринимаются гораздо лучше. В будущем, очевидно, последует сравнительный анализ выборов–2012 и выборов–2013; последние при относительно низкой явке избирателей показали нам новых электоральных игроков (например, «Гражданская платформа»), внятно заявивших о себе.

Своего рода предысторией электоральной картины в Прибайкалье в конце XX – начале XXI в. является публикация В. А. Гук (Иркутский государственный университет путей сообщения). Автор восстанавливает уже несколько подзабытую картину избирательных кампаний в Иркутской области и Усть-Ордынском Бурятском автономном округе, начиная с 1994 г. по 2008 г. До принятия закона «О политических партиях» (2001 г.) партийная составляющая выборов была выражена крайне слабо. Явно преобладали самовыдвиженцы. Избиратели ориентировались, прежде всего, на известные им личности, представлявшие интересы местной элиты. Региональные отделения политических партий были малочисленны и серьезно себя еще ничем не сумели зарекомендовать. Региональные отделения партий, представлявших федеральную власть («Выбор России», «Наш Дом – Россия»), проигрывали списочные выборы. Ситуация изменилась с принятием закона «О политических партиях» (2001 г.) и изменением в целом политической ситуации в стране, связанной со сменой федеральной власти, небывалым кредитом доверия и высоким рейтингом нового президента – молодого, физически крепкого, особенно на фоне постоянно болеющего и непопулярного Б. Н. Ельцина, В. В. Путина. Автор статьи привел таблицы, дающие представление о количестве партий и избирательных блоков, участвовавших в выборах в Думу УОБАО и Законодательное собрание Иркутской области в 1996–2008 гг. Для будущего исследователя, изучающего историю формирования партийной системы в Приангарье в эти годы, статья, безусловно, будет представлять интерес, а выводы автора служить точкой для анализа последующих тенденций партийного строительства и избирательных кампаний во втором десятилетии XXI в.

Две публикации дают представление о проблемах становления местного самоуправления в крупных городах Иркутской области: в Ангарске и Усолье-Сибирском. Е. Ю. Александров (Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы) освещает формирование местного самоуправления в Ангарском муниципальном образовании в начале XXI в. Этот вопрос достаточно подробно освещался в региональной прессе и электронных средствах массовой информации, но автор сумел выделить основное и показать борьбу инте-

ресов различных местных элит, лоббирующих своих кандидатов во власть. Пример Ангарского муниципального образования (АМО) поучителен. Он говорит о том, каким образом непродуманное решение Законодательного собрания Иркутской области в декабре 2004 г. о статусе и границах муниципальных образований Ангарского района породило множество проблем и негативных последствий. Присвоение Ангарску, крупному городу Иркутской области, городу нефтехимиков, статуса городского поселения повлекло разделение единой административно-территориальной единицы на городские и сельские поселения. Полномочия, переданные на уровень поселений, не могли быть обеспечены достаточной налоговой базой. Попытки проведения референдума об объединении поселений в единый Ангарский городской округ не удалась. К тому же борьба групп интересов привела к противоречиям между главами администраций города и АМО. Е. Ю. Александров прав, анализируя не только правовую сторону вопроса, основываясь на нормах Федерального закона (№ 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г.), но и персонифицируя проблему. Очевидно, что конфликт интересов, помноженный на личностный фактор, приводит к негативным результатам для населения целых муниципальных образований. В итоге автор отмечает, что Ангарск–2012 представляет собою городское поселение без избранного мэра; противоречия, имевшие место ранее, не только не устранены, но к ним добавились противоречия между администрацией АМО, сити-менеджером и депутатами районной Думы; все это может привести к досрочному роспуску Думы. И что тогда? Тогда придется все начинать сначала: инициировать вновь вопрос о создании Ангарского городского округа. Ангарская «муниципальная лихорадка» не завершена. Она стала той болезнью, к которой, похоже, уже привыкли. Однако, как известно, ушедшая вглубь болезнь только расшатывает организм.

О ситуации в соседнем городе – Усолье-Сибирском говорится в публикации И. Л. Бирюкова (Общественный совет г. Усолья-Сибирского). Ситуация здесь напоминает ангарскую, только, пожалуй, в худшем варианте. Жесткая политика управления городом бывшим мэром Е. С. Кустосом, трижды «входившим во власть», приватизировавшим на своих родственников различные городские предприятия, сопровождавшаяся конфликтом с правоохранительными органами и областным руководством, привела к его отставке, а затем задержанию и аресту сразу по трем уголовным статьям. «Усольский вариант» самоуправления говорит о том, что выходом из ситуации может быть избрание удобного для областной власти мэра. Нового мэра Усолья-Сибирского избрали на заседании Думы в присутствии нового губернатора области С. В. Ерошенко. А сити-менеджер был избран после долгих согласований только с третьего раза. Таким образом, избранный населением мэр, вступивший в конфликт с назначенным губернатором, проигрывает. Проигрывает не только потому, что выигрывает всегда сильнейший, но и потому, что даже будучи избранным, надо быть в ладу с законом. Что же касается политологического аспекта проблемы, затронутой в статье И. Л. Бирюкова, то он очевиден: вертикаль власти в современной России выстраивается «под

себя», а самоуправление нередко превращается в исполнение приказов «сверху». И опыт относительно небольшого по российским меркам сибирского города это наглядно показывает.

Несколько статей посвящены проблемам этнических отношений в Сибири. В публикации д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) Л. В. Кальминой дан анализ этнических процессов в Бурятии за последние десятилетия. Статья основана на материалах исследования, проведенного в Улан-Удэ летом 2012 г. по анкетам, разработанным Институтом этнологии и антропологии РАН (г. Москва). Было опрошено 300 человек и проведено интервью с 40 экспертами. Для будущего исследователя статья представляет несомненный интерес не только в силу своей очевидной актуальности, но и добротной документированности. Опрашиваемые (среди них работники федеральных и муниципальных органов власти, бюджетных учреждений, акционерных обществ, коммерческих организаций и даже безработные) считают, что наплыв мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья (республик Кавказа, Средней Азии, а также Китая) не является каким-либо угрожающим фактором для Бурятии. Мигранты не являются явными конкурентами на рынке труда и не представляют угрозы для межнационального спокойствия. Но не только в Бурятии, но и в других соседних регионах выражено взаимное нежелание сближения. Приведет ли это в дальнейшем к появлению конфликтов, и в каких формах они могут проявляться, каковы будут общие тенденции развития межнациональных отношений в республике, традиционно отличающейся терпимостью в этой деликатной сфере этносоциальных отношений, – эти и другие вопросы могут быть своеобразной рабочей гипотезой будущего политолога, историка, этнолога.

Обстоятельную статью, посвященную основным направлениям этноконфессиональной политики на территории г. Иркутска, представил А. А. Гордин, заместитель начальника управления по информационной политике, связям со СМИ и общественностью администрации г. Иркутска. Статья представляет скорее обзор деятельности религиозных организаций (конфессий) и национально-культурных центров в областном центре и их взаимодействие с городской администрацией, но обзор обстоятельный, с необходимым выводом в конце. Иркутск с имперских времен представлял собой сочетание, своеобразный «перекресток» западных и восточных культур. Но наличие в городе официально зарегистрированных адвентистов, кришнаитов, иеговистов, иудеев и др. – это явление наших дней, Сибири начала XXI в. Сегодняшний Иркутск, в отличие от криминальных «девяностых», когда происходили межэтнические разборки кавказских диаспор, иногда и с применением огнестрельного оружия, к счастью, относительно спокоен в этом отношении. Администрация области и города проводит последовательную этноконфессиональную политику. Но автор прав, отмечая, что в действиях структур органов власти и местного самоуправления наблюдается некий перекосяк в сторону культурных мероприятий. А это может привести к уходу от реальных проблем.

В заключение остановимся еще на анализе двух публикаций, посвященных социально-экономическим и экологическим проблемам региона. Болезненную проблему для жителей двух субъектов Федерации – Красноярского края и Иркутской области, а именно последствия пуска Богучанской гидроэлектростанции на Ангаре затронул в своей статье д-р геогр. наук, зав. лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии СО РАН им. В. Б. Сочавы (г. Иркутск) Л. А. Безруков. Строящаяся почти 40 лет (с 1974 г.) четвертая на Ангаре Богучанская ГЭС близка к выходу на проектную мощность. Конечно, для постсоветской России, утратившей передовые позиции промышленной державы, это явится весьма значимым событием. Но почему нас не переполняет гордость, почему, в отличие от публикаций прошлых, советских лет, когда мы много писали о реализации программы «А–Е» («Ангара – Енисей»), мы не говорим о дальнейшем индустриальном освоении Сибири? Очевидно, потому, что стали считать соотношение приобретений и потерь. Именно подсчетам последнего и посвящена статья Л. А. Безрукова. По существу, это экспертный анализ, представленный вниманию аудитории. Это тем более важно, что еще в 2007–2008 гг. научными институтами была выполнена работа «Оценка воздействия на окружающую среду Богучанской ГЭС (БоГЭС) на реке Ангаре». Однако по вине заказчика работа не была завершена, общественные слушания и государственная экологическая экспертиза не проведены. Выводы, к которым приходит ученый, неутешительны: ввод БоГЭС нанесет значительный ущерб природе, хозяйству и населению Кежемского района Красноярского края и Усть-Илимского района Иркутской области. Последствия могут иметь не только региональный характер.

Проблема компенсации ущерба от БоГЭС – одна из острейших проблем сегодняшней Восточной Сибири. Компенсационные выплаты, выделенные Иркутской области из федерального бюджета, пришедшие с большим опозданием осенью 2012 г., в 23 (!) раза меньше ежегодной чистой прибыли собственников БоГЭС – компаний «РусГидро» и «РУСАЛ», входящих в двадцатку крупнейших компаний России. Современный российский олигархический капитализм проявляется здесь в самой «грубой и прямолинейной форме», – пишет автор. И с этим нельзя не согласиться. Можно лишь добавить, что именно такие факты и питают новый сибирский сепаратизм, не замечать который уже невозможно.

Вопросы будущего развития Сибири затронуты в публикации А. Н. Фартышева (Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы). Автор полагает, что для Сибири возможны два варианта развития. Это возобновление промышленного развития, которое осуществлялось в советский период; и непромышленный, экологический путь, предполагающий сохранение природной самобытности и развитие рекреационных систем. Второй сценарий может быть реализован в двух формах: 1) как территория экологического туризма; 2) как транспортный коридор. Об экологическом туризме много говорилось и продолжает говорить, однако магистральным путем развития Сибири он стать не может (суровый климат, короткий теплый сезон, отдален-

ность от основных мировых коммуникаций и др.). Вторая возможность в общем виде внешне привлекательна. Но в условиях ультраконтинентальной экономики транспортные издержки имеют колоссальное значение. По мнению автора, экологический путь развития Сибири возможен, но он имеет значительные ограничения. Будущему исследователю, очевидно, лет через 20–25 будет интересно проанализировать указанные возможные тенденции развития Сибири и решить исследовательскую задачу: проекты и действительность. Для нас же, живущих в Сибири в первые десятилетия XXI в., этот вопрос имеет далеко не академическое значение.

Прошедшая конференция выявила ряд животрепещущих тем для обсуждения, и в этом ее реальное значение. Знают ли эти подходы во властных структурах, депутаты различных уровней – вопрос, который мы поставим, но ответить не сможем. Поскольку это вопрос о востребованности самой науки. Это вопрос о том, куда идешь, Сибирь? Авторы публикаций попытались дать ответ на этот вопрос. И в этом их заслуга. Услышаны ли они, кроме своих коллег?

1. Проблемы социальной и административной консолидации Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 6 дек. 2012 г. / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; гл. ред. Ю. А. Зуляр. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 290 с.

Siberia in the Early 21st Century: Politological View of the Participants of the All-Russian Conference

V. N. Kazarin

Irkutsk State University, Irkutsk

The article reviews new publications of the participants of the All-Russian scientific-practical conference held in December 2012 in Irkutsk. Various aspects of the development of Siberia at the beginning of the 21st century are considered.

Key words: All-Russian conference, Siberia, geopolitic and geo-economic problems, the electoral systems, the national religious and ethno-confessional politics.

Казарин Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета, 664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10–220, тел. +7(3952)521188, e-mail: kazarinvik@yandex.ru

Kazarin Victor Nikolayevich – Doctor Historical Sciences, Professor in the Department of Theory and History of the State and Law, Law Institute, Irkutsk State University, 640082, Irkutsk, Ulan-Batorskaya St., 10–220, phone +7 (3952) 521188, e-mail: kazarinvik@yandex.ru